

Источники

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881) / Тип. второго отделения собственной его императорского величества канцелярии. — СПб., 1857. — Т. 7. — С. 51–548.
2. СУ РСФСР. — 1917. — № 1. — Ст. 3.
3. СУ РСФСР. — 1918. — № 25. — Ст. 346.
4. *Солодков, И. И.* Декрет о земле / И. И. Солодков // Белорусская ССР : крат. энцикл. : в 5 т. — Минск : Гл. ред. Белорус. Сов. энцикл., 1979. — Т. 1. — С. 228–229.
Solodkov, I. I. Dekret o zemle / I. I. Solodkov // Belorusskaya SSR : krat. entsikl. : v 5 t. — Minsk : Gl. red. Belorus. Sov. entsikl., 1979. — T. 1. — S. 228–229.
5. СУ РСФСР. — 1923. — № 82. — Ст. 799.
6. СУ РСФСР. — 1927. — № 68. — Ст. 687, 688.
7. Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. 1938–1955 гг. — Минск : Изд-во Президиума Верхов. Совета БССР, 1956. — С. 21–40.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1975. — № 84. — Ст. 435; 1979. — № 39. — Ст. 643.
9. СЗ БССР. — 1976. — № 18. — Ст. 259.
10. СЗ БССР. — 1980. — № 8. — Ст. 198.
11. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. — 1993. — № 1. — Ст. 1.
12. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. — 1994. — № 35. — Ст. 57.
13. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 1999. — № 1. — 1/0; 2004. — № 188. — 1/6032.
14. Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. — 1998. — № 8 — 9. — Ст. 103.
15. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2008. — № 184. — 2/1503.
16. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 22.07.2016. — 2/2398.
17. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2009. — № 14. — 5/29088; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 06.07.2013. — 5/37484.
18. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2009. — № 14. — 5/29088.
19. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2009. — № 15. — 5/29097; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 06.07.2016. — 5/42300.
20. Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. — 2015. — № 4. — С. 2–99.

Статья поступила в редакцию 15.12.2017 г.

УДК 347.4(09)(4)

V. Ermolovich
BSEU (Minsk)

THE CONTRACT OF COMPANY IN THE ROMAN PRIVATE LAW AND THE LAW OF MEDIEVAL SERBIA AND BELARUS (COMPARATIVE ANALYSIS)

The subject of research in the article is the contract of company in the roman private law and the law of medieval Serbian and Belarusian countries as the consensual contract. The mechanism of content and enforcement of the contract of company was analyzed as well as emergence of legal relationship liability. The process of roman private law reception into the legal system of medieval European countries was considered.

Keywords: contract of company; legal regulation; comparative analysis; roman private law; law of medieval Serbia; law of medieval Belarus.

В. И. Ермолович
кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ДОГОВОР ТОВАРИЩЕСТВА В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БЕЛАРУСИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Предметом исследования в данной статье является договор товарищества в римском частном праве и законодательстве средневековой Сербии и Беларуси как консенсуальное соглашение. Проанализирован механизм содержания и правоприменения договора товарищества и возникновения из его обязательственных отношений. Рассмотрен процесс рецепции норм римского частного права в правовые системы средневековых европейских государств.

Ключевые слова: договор товарищества; правовое регулирование; сравнительный анализ; римское частное право; право средневековой Сербии; право средневековой Беларуси.

Договор товарищества в римском частном праве выражен словом латинского языка *societas*. Данное слово в праве Древнего Рима означало две различные юридические категории: благодаря ему обозначались понятия юридического лица (*universitates personarum*) и объединения, в основе деятельности которых лежал договор, устанавливающий отношения совместной собственности между его членами.

Объединения такого рода были известны римскому частному праву во времена принятия Законов XII таблиц. Данный Закон предоставлял членам коллегий (сообществ) право заключать между собой любые соглашения, лишь бы этим они не нарушали какого-нибудь постановления, касающегося общественного порядка [1, с. 13]. Закон этот, по видимому, был заимствован из законодательства Солона. В этих нормах устанавливались основания возникновения товариществ.

Форма заключения самых ранних товариществ историко-правовой науке не известна. Вместе с тем есть все основания полагать, что содержание отношений между договорными товарищами регулировалось так же, как и отношения в объединениях (*consortium*), которые принадлежали к числу объединений неразделенной семейной собственности между *heredes sui*, поэтому договорные товарищества в праве Древнего Рима именовались *societates ad instar fratrum*.

В классическом римском частном праве договор товарищества (*societas*) являлся консенсуальным двусторонним или многосторонним договором и устанавливался согласованным волеизъявлением товарищей (*socii*) создать совместное имущество для определенной деятельности всех членов и разделения между ними дохода, получаемого от этой деятельности.

Вступая в товарищество, товарищи, или *socii*, преследовали определенную цель. Согласно поставленной цели товарищества делились на два вида: товарищества по совместному проживанию и совместной деятельности и производственные товарищества. Товарищества по совместному проживанию и деятельности назывались *societas omnium bonorum* и устанавливались, когда товарищи договаривались об общности всего настоящего и будущего имущества и разделение между собой всего, чем они обладали. Об этом свидетельствует фрагмент I, титула II, книги XVII Дигестов Юстиниана: «In societate omnium bonorum omnes res quae coeuntium sunt continuo communicantur» — «При товариществе, объемлющем все имущество, все вещи, вступающие в товарищество, делаются немедленно общими» [2, с. 506].

Товарищества, основанные лишь для совместной деятельности, или деловые товарищества, устанавливались как *societas quaestus*, или как *societas negotiationis*, или *societas unius rei*.

Societas quaestus объединяли часть собственного имущества товарищей для ведения совместной хозяйственной деятельности и получения общих доходов. Об этом гласит фрагмент VIII, титул II, книги XVII Дигестов Юстиниана: «Paulus libro sexton ad Sabinum Quaestus enim intellegitur, qui ex opera cuius descendit» [2, с. 508]. Если стороны не оговорили, какой вид товарищества они основывают, предполагалось, что речь идет о *societas quaestus*.

Societas negotiationis устанавливались, когда товарищи вносили часть своего имущества для занятия определенным видом хозяйственной деятельности и получения общих доходов от этого вида деятельности.

Societas unius rei устанавливались соглашением товарищей о выделении части имущества, необходимого для выполнения точно определенной работы с целью получения от этой работы общих доходов.

Основной обязанностью каждого товарища являлось внесение в товарищество всего имущества, если речь шла о товариществе по совместному проживанию и деятельности (*omnium bonorum*) или определенной его части, если речь шла о других видах товариществ. Вклады товарищей, из которых создавалось имущество товарищества, не всегда обязаны были быть материальными. Вкладами могли считаться и некоторые права, даже трудовые способности отдельных товарищей [3, с. 227]. Второй обязанностью каждого товарища было участие в управлении и хозяйственной деятельности товарищества. Эту обязанность товарищи должны были выполнять добросовестно, так как несли ответственность за каждое упущение по *culpa levis in concreto*. Третьей обязанностью каждого товарища было предоставлять в распоряжение других *socii* всего дохода (*communicatio lucri*), разделяемого согласно договору среди всех членов. В пользу нашего довода свидетельствует и мнение Кассия, изложенное в § II, XXIX фрагмента, II титула, XVII книги Дигестов: «Talem coiri non posse, ut alter lucrum tantum, alter damnum sentiret, et hanc societatem leoninam solitum appellare: et nos consentimus talem societatem nullam esse, ut alter lucrum sentiret, alter vero nullum lucrum, sed damnum sentiret: iniquissimum enim genus societatis est, ex qua quis damnum, non etiam lucrum spectet» — «Нельзя образовать такое товарищество, что одному достается вся выгода, а на другого возлагается только ущерб; такое товарищество принято называть «львиным» (данное название заимствовано из басни Эзопа, где лев условился с ослом вместе охотиться, но всю добычу взял себе — прим. автора). И мы соглашаемся, что ничтожно такое товарищество, в котором одному достается выгода, а на долю другого не приходится никакой выгоды, но лишь ущерб; является несправедливейшим такой вид товарищества, от которого кто-либо ожидает ущерб, а не выгоду» [2, с. 516]. И весьма логично, что согласно договору каждый из товарищей был обязан принимать участие в возмещении убытков, понесенных товариществом (*communicatio damni*).

Следовательно, права товарищей были коррелятивны их обязанностям: каждый товарищ имел право требовать от других внесения в товарищество договорного имущества, участия в управлении и хозяйственной деятельности товарищества, внесения доходов и возмещения убытков товарищества. Из чего следует, что каждый товарищ был правомочен заботиться о правильном исполнении договора товарищества, т.е. требовать от всех товарищей добросовестного исполнения своих обязанностей для достижения цели товарищества: разделения полученного дохода в соответствии с положениями, закрепленными в договоре.

Наиболее детально договор товарищества был развит в средневековом праве Восточноримской империи, Италии и Сербии. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические и юридические источники позволяют сделать вывод, что хозяйственная деятельность в средневековых славянских государствах развивалась на основе корпоративных отношений. Важным элементом ее правовой основы являлся также договор товарищества. Например, в сербском средневековом праве регламентация данного вида договора

базировалась на рецепированных нормах римского частного права. Так, содержание постановления ст. 1, титула XI восточноримской «Эклоги» было рецепировано в нормы ст. 1, титула XII славянской «Эклоги», которая содержит в себе механизм реализации договора товарищества, характерного для правоприменения в средневековой Сербии и Болгарии. В свою очередь известное нам постановление «Эклоги» базировалось на нормах классического римского права, которые были впервые изложены в книге XVII, титула II — «Об иске, вытекающем из товарищества» (*Pro socio*) «Дигестов Юстиниана» 530 г. (н.э.) издания. Данный договор представлял собой простое соглашение сторон не требовавшего особых формальных условий. Он по своему содержанию имеет сходство с договором купли-продажи, найма, поручения. Существенной чертой договора о товариществе является наличие общности имущества. Договор о товариществе требовал от всех его участников добросовестного исполнения взятых на себя обязательств по договору. Данный договор мог заключаться пожизненно или быть ограниченным определенным сроком.

В «Эклоге», так же как и в законодательстве императора Юстиниана, для реализации процедуры образования товарищества требовалось письменное или устное согласие между двумя или более лицами. Согласно нормам «Эклоги» участие в товариществе не требовало обязательного равенства вносимых вкладов в общее дело: допускалось учреждение товарищества и тогда, когда доли соучредителей не были равными или когда кто-либо вносил вклад, другие же — свои силы и труд [4, с. 139].

Наиболее типичным примером реализации договора товарищества в средневековой Сербии была сфера торговой деятельности. Купец, отправлявшийся в торговую экспедицию, предварительно объединял свои усилия с другим лицом, от которого получал денежный или товарный взнос. Так рождалась основная ячейка торговой деятельности именуемая в документах того времени компанией или товариществом, которое могло выступать в форме «коллеганца», если вклад в компанию одной из сторон договора осуществлялся путем кредитования, т.е. был выражен в деньгах. Товарищество могло именоваться «роганцей», когда одна из сторон договора вносила товарный взнос в реализуемое предприятие. Но в обоих случаях одна из сторон договора выступала в роли исполнителя торгового поручения («трактатора»), а другая — кредитора. Реальную практику создания подобных компаний позволяют представить нотариальные акты XIII–XIV вв. из городов Дубровника, Котора, Трогира и Задара. Наиболее типичными для средневековой Сербии являются Трогирские торговые компании. По своему численному составу они были немногочисленными, два-три участника; размер вкладов в большинстве своем был невелик, чаще всего от 23 до 120 лир, инвестиции свыше 1 тыс. лир почти не встречаются. Представители городского нобилитета обычно выступали в роли кредиторов и вносили большие суммы, в среднем 838 лир, в то время как взносы непривилегированных горожан не превышали 116 лир [5, с. 188].

Размер денежных вкладов в торговые компании г. Задара был значительно меньшим, чем в городах Дубровнике и Трогире. В среднем они составляли от 10 до 50 лир. Крупные суммы встречаются крайне редко. Данное явление можно объяснить тем, что исполнителями непосредственных торговых операций в рамках договора товарищества в г. Задаре часто выступали не профессиональные купцы, а пожелавшие улучшить свое материальное положение ремесленники или моряки.

Значительный интерес для нас представляет практика раздела прибыли между членами товариществ подобного рода. В средневековой Сербии норма раздела прибыли была следующей: 33 % или одну треть получал кредитор и 66 % — купец-исполнитель, который ничего кроме своего труда не вносил в данное предприятие [6, с. 308]. Для сравнения: в аналогичных итальянских компаниях XII–XIV вв. был заведен следующий порядок раздела полученной прибыли: кредитор получил львиную долю прибыли — 75 %, а купец — исполнитель только 25 % от доли полученной прибыли [6, с. 309]. Отличие

весьма существенное, особенно если учесть, что оно практиковалось повсеместно на восточном побережье Адриатики. Вероятнее всего, что сербские купцы-исполнители в отличие от итальянских должны были за свой счет набирать и оплачивать экипажи своих кораблей. Именно этот факт дает нам объяснение о тенденции роста числа торговых товариществ в средневековых городах Сербии и всего западного побережья Балканского полуострова, где не только состоятельные купцы, нобели и судовладельцы, но и рядовые горожане, ремесленники, матросы и рыбаки, скопив несколько дукатов, стремились найти способ вложить их в организацию торговых экспедиций.

Ликвидация товарищества происходила либо вследствие единогласного решения об этом всех членов товарищества, либо в результате одностороннего заявления о выходе из товарищества одного из его соучредителей. Оно могло быть ликвидировано и в случае смерти одного из соучредителей, если не было установлено заранее, что выбытие того или иного лица не разрушает товарищества. Выбывший был обязан возместить убыток причиненный его выходом из товарищества. В случае, если имелись ранее начатые общие дела, он продолжал отвечать вместе с остальными членами товарищества за возможные убытки в данном предприятии, хотя и лишался права на участие в возможной прибыли.

Ликвидация товарищества, организованного с определенной целью, могла происходить и вследствие достижения этой цели, или если выяснялась невозможность ее достижения, или же, наконец, вследствие исчерпания средств. Товарищество могло быть ликвидировано и в результате возбуждения судебного иска одного из соучредителей против остальных соучредителей.

В средневековой Беларуси, которая являлась государственно образующей территорией Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, наиболее часто данный вид договора находил свое правоприменение в сфере организации торговли. Регламентация договора товарищества в праве средневековой Беларуси, как и в праве других восточно-славянских государств, в значительной степени базировалось на правовом обычае местного славянского населения. При этом мы не отрицаем факта влияния римского частного права. Об этом свидетельствует анализ источников средневекового права Беларуси, России и Украины: «Русской Правды» и «Псковской Судной грамоты». Так, ст. 48, 54 и 55 Пространной редакции «Русской Правды» регламентируют деятельность купеческого товарищества: торговлю вскладчину, реализацию механизма взыскания доли своего вклада в уставной фонд товарищества и размер причитающейся прибыли [7, с. 67, 68, 100, 102, 103]. Ст. 92 «Псковской Судной грамоты» регламентирует порядок разрешения споров между членами товарищества в процесс его ликвидации [7, с. 340, 377].

Таким образом, для населения средневековой Сербии и Беларуси в XII–XV вв. понятие юридического лица уже было доступно для понимания и более того, определенная часть экономически активного населения изучаемых нами стран принимала непосредственное участие в его создании и последующем функционировании. Данный процесс осуществлялся путем практической реализации договора товарищества. При этом следует признать, что данному процессу в определенной степени способствовала рецепция норм римского права в юридические источники указанных выше стран. Например, Византийский «Номоканон» — сборник правил церковных соборов IV–VII вв., правил епископов и установлений о церкви императоров Восточноримской империи, был основным источником церковного и гражданского права Восточноримской империи, Болгарии и Сербии XI–XII вв., а так же являлся вспомогательным источником права на территории средневековой Беларуси и Русского государства XIV–XVI вв. В пользу нашего довода свидетельствует русская редакция «Номоканона», получившая название «Ефремовской Кормчей».

В 1219 г. глава сербской православной церкви, епископ, ставший известным в истории под именем святого Саввы и его родной брат, король Сербии Стефан Первовенчан-

ный подготовили сербскую отечественную редакцию «Номоканона» на старославянском языке. Этот свод церковного и светского права в славянском мире часто называют «Кормчей книгой». Начиная с XIII в. сербская редакция «Кормчей книги» или «Номоканона» получила широкую популярность в вопросе правоприменения как источник церковного и светского (гражданского) права в восточнославянских землях. Только в архивах современной России находится на хранении свыше 30 списков сербской редакции «Номоканона», которые датированы XIII–XVI вв. Так, в Дечанском списке сербского «Номоканона», который имел хождение на Руси с конца XIII в., установлены фрагменты текстов «Эклоги». Этот факт получил известность благодаря исследованиям русского ученого, доктора исторических наук Я.Н. Щапова в 70-е гг. XX в. [8, с. 132].

Автор также выявил и исследовал два списка «Кормчей книги» (Жировицкий и Пинский), которые имели хождение на территории средневековой Беларуси. В содержании проанализированных нами источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирона» [9, с. 240а–316б; 10, с. 240а–250а, 268а–328б]. Следовательно, «Эклога» в средневековой Беларуси, так же как и в Сербии, была достаточно известным источником права, поэтому для нас не вызывает удивления тот факт, что нормы римского частного права, содержащиеся в «Эклоге», достаточно часто применялись при практической реализации договора товарищества на территории Беларуси в XIII — первой половине XVI в. Об этом свидетельствует письменное распоряжение великого князя литовского Сигизмунда, сделанное 24 января 1509 г. в пользу товарищества брестских собирателей воска, которое гласит: «Чиним знаменито сим н(а)шимъ листом, штож восковничие берестейские Данко и Михел Рябичкович и зъ своими товариши держали коморы Берестейские восковую и соляную два годы без мала почон от Громниц, которое с(вя)то было инъдикта десятого, до Трех Кролевъ, которое св(я)то инъдикта второго-на-десять (2.02.1507 по 6.01.1509 гг.), и положили нам на личбе, иж в тые два годы собрали з восковое коморы тысячу копъ и дванадцать копъ и пятнадцать гр(о)шей, с тыми воски, што сам Михел вывез за границу осмъсотъ каменей и одиннадцать каменей.

А зъ соляное коморы собрали пятсотъ копъ и девятнадцать копъ гр(о)шей. А што Михел брал п(е)н(е)зи з восковых и зъ соляных комор, з Луцкое и зъ Берестейское, и зъ Володимерское, и он со всего с того нам личбу выдал сполна. А особно в Дорогичине Михел взял тридцать копъ и пять копъ грошей и то намъ на личбе положил. И звышъ того остали ещо имъ вини, што выдали на н(а)шы потреби, сорокъ копъ и пять копъ без осми гр(о)шей, и они то мають себе vybrати з восковое и соляное коморы Берестейское.

И на то есмо им дали сесь н(а)шъ лист з нашою печатю.

П(и)сан у Вилни, ген(варя) 24 день, инъдикт 12» [11, с. 152].

Процетированный выше документ позволяет сделать вывод, что договор товарищества в средневековой Беларуси трактовался как соглашение, в силу которого каждый из членов товарищества вносил что либо для достижения определенной цели хозяйственного характера. Вкладом, который вносили члены товарищества, могли быть деньги, вещи, а также труд участников сообщества. Следовательно, бывали уже в те времена случаи, когда одни члены товарищества вносили свое имущество, а другие — свое умение и труд. Все члены товарищества имели право участвовать в распределении прибыли, которое происходило в соответствии с условиями договора. Аналогичным способом происходило и распределение убытков. Таким образом, содержание договора товарищества в средневековой Беларуси и Сербии тождественно. В его основе лежат нормы римского частного права.

Исходя из указанного следует вывод о том, что договор товарищества в праве средневековой Сербии и Беларуси, как и договор товарищества в римском частном праве, являлся консенсуальным двусторонним или многосторонним договором и устанавливался согласованным волеизъявлением участников договора (*socii*) создать совместное иму-

щество для определенной деятельности всех членов и разделения между ними дохода, получаемого от этой деятельности. Члены товарищества были наделены многочисленными взаимными правами и обязанностями.

Основной обязанностью каждого товарища являлось внесение в товарищество всего имущества или определенной его части. Вклады товарищей, из которых создавалось имущество товариществ, не всегда обязаны были быть материальными. Вкладами могли считаться и некоторые права, даже трудовые способности отдельных товарищей. Следующей обязанностью каждого товарища было участие в управлении и хозяйственной деятельности товарищества. Кроме того, обязанностью каждого товарища было предоставлять в распоряжение других *socii* всего дохода сообщества и разделять его согласно договору среди всех членов товарищества, а также разделять бремя убытков товарищества (*communicatio damni*) согласно условию договора.

Права товарищей в римском частном праве были коррелятивны их обязанностям: каждый товарищ имел право требовать от других внесения в товарищество договорного имущества, участия в управлении и хозяйственной деятельности товарищества, внесения доходов и возмещения убытков товарищества. Иными словами, каждый участник соглашения о товариществе был правомочен заботиться об исполнении договора товарищества, т.е. требовать от всех участников соглашения выполнения обязанностей, отвечающих задачам товарищества: получение дохода и его разделение согласно условию договора.

Источники

1. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М. : Зерцало, 1997. — 608 с.
2. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. : в 7 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2003. — Т. III : Книги XII–XIX. — 780 с.
3. Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дадынского ; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. — М. : Юристъ, 1997. — 368 с.
4. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Лившиц. — М. : Наука, 1965. — 226 с.
5. Фрейденберг, М. М. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII–XV вв. / М. М. Фрейденберг. — Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1972. — 254 с.
Freydenberg, M. M. Derevnya i gorodskaya zhizn' v Dalmatsii XIII–XV vv. / М. М. Freydenberg. — Kalinin : Kalinin. gos. un-t, 1972. — 254 s.
6. Ермолович, В. И. Договор товарищества в средневековом сербском и белорусском праве (XII–XV вв.) / В. И. Ермолович // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходне-еўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. прац, прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння праф. І. А. Юхо / рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш]. — Мінск : БГУ, 2012. — С. 307–312.
Ermolovich, V. I. Dogovor tovarishchestva v srednevekovom serbskom i beloruskom prave (XII–XV vv.) / V. I. Ermolovich // *Gistoryja i suchasnasc' : belaruskaja dzjarzhawnasc' va wshodne-ewrapskim cyvilizacyjnym kantjeksce* : zb. navuk. prac, prysvech. 90-goddzju z dnja narodzhennja prof. I. A. Juho / rjedkal. : S. A. Balashjenka (gal. rjed.) [i insh]. — Minsk : BGU, 2012. — S. 307–312.
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1984. — Т. 1 : Законодательство Древней Руси. — 432 с.
8. Шапов, Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Шапов. — М. : Наука, 1978. — 292 с.
Shchapov, Ya. N. Vizantiyskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. / Ya. N. Shchapov. — M. : Nauka, 1978. — 292 s.
9. Библиотека Литовской академии наук. — Ф. 19. — Оп. 1. — Ед. хр. № 243. Белорусская «Кормчая книга». Жировичский список 1609 г. — 735 с.
10. Библиотека Литовской академии наук. — Ф. 19. — Оп. 1. — Ед. хр. № 242. Белорусская «Кормчая книга». Пинский список 1634 г. — 855 с.
11. Lietuvos Metrika. — Kn. 8. — Vilnius, 1995. — 708 p.

Статья поступила в редакцию 08.12.2017 г.

INCREASING THE EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The subject of the study was the state of anti-corruption activity in the Republic of Belarus, legal and organizational measures aimed at increasing the effectiveness of the fight against corruption in the Republic of Belarus.

The purpose of the study is to identify the patterns, characteristics and content elements of anti-corruption activities and, on this basis, develop proposals for improving the practice of fighting corruption.

Keywords: *internal corruption; causes of corruption; conditions of corruption; mechanism of internal corruption; signs of early corruption detection.*

Н. Ф. Карпиевич
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Предметом исследования избрано состояние антикоррупционной деятельности в Республике Беларусь, правовые и организационные меры, направленные на повышение эффективности борьбы с коррупцией в Республике Беларусь.

Целью исследования является выявление закономерностей, особенностей и содержательных элементов антикоррупционной деятельности и на этой основе разработка предложений по совершенствованию практики борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: *внутренняя коррупция; причины коррупции; условия коррупции; механизм внутренней коррупции; признаки ранней профилактики коррупции.*

Коррупция есть следствие общих проблем страны и общества, борьба с ней не сводится только к реализации узкой антикоррупционной программы, а должна пронизывать всю систему государства. Необходимо проведение антикоррупционных мер для успешной борьбы с коррупцией. Эти меры должны осуществляться совместно с созданием атмосферы общественного неприятия коррупции во всех ее проявлениях. Только тогда можно надеяться, что осуществляемые преобразования будут носить глубинный структурный характер.

Аксиомой является то, что в современных условиях развития общества коррупция во всех ее проявлениях представляет угрозу национальной безопасности и наносит существенный вред экономике государства. То и дело мы слышим слова «коррупция», «взятка», «мафия» от других и произносим сами. 45 % белорусов считают, что государство недостаточно борется с коррупцией. Хотя в странах-соседках настроены еще более пессимистично. В России такого же мнения придерживаются 62 % жителей, но абсолютный рекордсмен — Украина с 86 %. К таким выводам пришли авторы исследования «Барометр мировой коррупции — 2016» от международной организации Transparency International [1].

Сегодня любой человек мира будет заниматься взяточничеством, коррупцией, если вы установите ему непонятные и постоянно растущие платежи и налоги, если каждый шаг он может совершать только тогда, когда ему разрешит чиновник, тем более у взятки множество возможностей прикрыться легальной формой.